

ИЗ ГЛУБИН ТЮРЕМ

Я ныне семь струн своей лиры — струн гнева, борьбы,
Рыданья, и думы, и братского взора, и веры, —
Несу вам и вам воскурю, дарю вам, живым мертвецам,
Гребцам на галерах, отверженным, ссыльным, гниющим по тюрьмам.
Все вам — умирающим в жизни и в смерти живущим.
Все вам — у которых не меч справедливости — цепи!
А молния мести в глазах превратилась в непролитость мстительных слез.
Как жаль, что пока не явилась в молчаньи великом надежда
И не улыбнулась душе вашей сирой, замершей в тоске по мирам...
Закаты годами над родиной плакали кровью.

И мученик, враг, и герой — все отдали алую кровь,
Чтоб вечно рассветы цвели на пепле и вере бессмертной.
Но нет ни луча, ни души, и нет утешающих уст.
И некому путь проложить вам во мраке иль слово спасенья шепнуть...

Я знаю, какая тяжелая скальная тьма разлита по вашим жестоким темницам.
Я знаю, какие кошмарные сны приходят к вам ночью и мозг ваш терзают
клыками...
Какие страданья, любовь, и мятежность, и стон в вас живут!
И небо надежды, и звук, и молчанье, и хохот!
Все это вращается в вашем нутре год за годом и пласт за пластом.
И вы начинаете грезить, всю боль головы отдавая дрожащим рукам...

И вот—свободные ваши шаги в зеленых лугах утопают.
Всевышняя синь льется с неба, подобно озерам немеркнувшим, к вам...
От прелести ярких долин увлажняются ваши глаза.

И жаждущий рот
Приближается к ясной воде голубого ручья...
Пшеничное поле, как море, пленит вас волноколыханьем хлебов.
А сад ваш вам дарит осеннюю щедрую сладость...
Царит тишина...
Еще два шага — и солнце восходит, и солнце!
Кипит ваша кровь.
Где-то ждет поцелуй поцелуя.
Где-то слезы хотят со слезами иными смешаться.
Где-то руки желают обвиться венками вокруг утомленных голов.
Где-то есть тонир*, и ердык**, есть дерево, память, родник и ручей, убегающий
вдаль.
Есть души, и ласка, и весны, и жизнь есть, в конце-то концов.
И двери судьбы распахнутся от ветра, и вы, как слепые, приблизитесь к ним...
На вашем пороге есть несколько капелек крови и ласточкин голос на крыше.
И есть распростертые тени, какого-то ждущие чуда.
И есть еще крик — как из бездны — беспомощных праведных душ.

О, ужас! Еще — бесконечность бряцания десятилетних цепей.
Оно пробуждается с вами — на ваших костях его кольца звенят друг о друга...

---

* *Тонир* — печь.

** *Ердык* — дымовое отверстие в крыше.

Увы, и долина, и родина, родник, поцелуй и мечте
Опять погружаются в тюрьмы — в глубь тайн их, мертвящих и жутких...
Там не вращается время вокруг оси, как на воле.
Там раздаются рыдания — хуже: рыдания рыданий!
Там — страдания ада, там — безмолвные слезы,
Там — смертельная жизнь, там — живучая смерть.
Взор, замерший пред ликом свободы, там могильной землею засыпят навеки.
Там слеза из зрачка возвращается вспять,
Чтоб до мозга дотечь.
Там бездумно клеймят вашу плоть и бездумно крошат ваши кости.
Там — нездешнего жажда, там все знанья мертвы и бегут искушенья.
А под стенами этими спят, среди тьмы
Удушающей — те,
Что когда-то в день славы истории, в день героизма
Зла законы порвали во имя светлейшего утра.
И себя принесли они в жертву, стоя пред алтарями Идеи.
И навстречу мечу супостата — ради нашей сегодняшней жизни — вдруг
сверкнули своим мечом.
С рук народа сняв цепи рабства, на свои перекинули руки.

Где же сила и воля наша, наши молоты, наши удары,
Где любовь наша, совесть, размах?
Где наш гнев, полный молний?
И когда опрокинем врага мы — разобьем, и сомнем, и растопчем?
И когда двери смерти раскроем, чтобы вырвать героев своих,
Их чела поцелуем коснувшись?
Нашу жизнь они больше любили, чем свою светоносную жизнь.
Пусть любовь в них умрет, и родится проклятье святое.
Где вы, ярые Гневы, и где вы, Кулаки храбрецов, где вы, где вы?!

Перевод с армянского АЛЛЫ ТЕР-АКОПЯН.

Стих из сборника "Из западноармянской поэзии". Издательство «Советакан грох», Ереван – 1979г.